

страны, заставляет его хвастать вниманием Али-паши и четыре раза повторять разным корреспондентам, что паша догадался о его знатном происхождении, как только увидел его маленькие руки. Так смелость и гордость поэта находят выражение в прекрасном и мелком, выявляя его характер в различных, хотя и взаимосвязанных аспектах.

Противоречивость Байрона как персонажа «Журналов и писем» выражается также в сочетании фатализма, веры в рок и предопределение с неистовой активностью, жаждой деятельности. Байрон разрешение этого противоречия видит в борьбе: она не должна прекращаться, хотя бы и не внушала ни тени надежды на успех. Бороться нужно для того, чтобы оставаться человеком.

Байрон не всегда заботится о последовательности. Он зовет к революционному действию, к уничтожению деспотов, хотя его размышления о фаталистической предрешенности всех земных дел должны были бы вызвать у него мысль о бесполезности сопротивления. Отдавая жизнь борьбе за революцию, он в то же время не уверен в благополучии того общества, которое возникнет после ее победы. Здесь противоречивы не столько воззрения поэта, отражавшие сложное в те годы отношение к проблемам революции даже со стороны передовых людей, сколько его душевный склад, побуждающий его к защите слабых и угнетенных, хотя бы он и не возлагал больших надежд на их способность составить счастье человечества.

Не менее двойственно и его отношение к религиозным и нравственным вопросам. Всю жизнь он сердился, когда его называли атеистом, и утверждал, что верует в Бога, «великую Первопричину всех вещей»¹⁶, а в то же время ставил разум выше веры. Это противоречие разрешается, если признать, что Байрон был скептически настроенным дейстом, склонявшимся попеременно то к пантеизму, то к дуализму, но последовательно отвергавшим все существующие религиозные учения и церковь, как их пристрастного и неискреннего толкователя¹⁷. Поэтому противоречивой в собственном смысле является не столько система мыслей Байрона, сколько отражение их противоборствующих тенденций в сложности внутренней жизни поэта: не веря, Байрон мучается от сознания неверия, но от догматизма религиозного мировоззрения ищет спасения в иронии и богохульстве. Мысль его бьется в этом неразрешимом для него круге, снова и снова возвращаясь к уже отвергнутым решениям.

Байрону кажется, что безбожие есть проявление своего рода душевного изъяна, но вместе с тем лицемерие господствующей религии и церкви отталкивает его до такой степени, что он вызывающе отвергает ее наставления. В своих нравственных понятиях он тоже колеблется между уважением к основам христианской морали (для женщин он во всяком случае считает ее обязательной) и крайним презрением к условности моральных представлений, принятых в обществе. И это противоречие в сущности мнимое: Байрону свойственна высокая требовательность к чистоте нравов, к обязанностям человека перед человеком и одновременно ясное ощущение несоответствия официальной морали и истинного положения вещей. Отсюда столь характерное для него соединение нравственного пафоса с цинической насмешкой.

Однако рациональное объяснение теоретических взглядов не устраняет противоречивости душевной жизни. Если позволительно сравнение, то Байрон ищет в религии того же, что он ищет в поэзии классицизма: недоступной ему уверенности, покоя, гармонии, освобождения от собственного «я», охваченного тревогой и сомнением.

Несоответствие взглядов и устремлений с реальной психологической основой характера проявляется также в несоответствии страстных пере-

¹⁶ Письмо к Фр. Ходжсону 13 сентября 1811. — *Letters and Journals*, v. I, p. 36.

¹⁷ Письмо ему же 3 сентября 1811. — *Ibid.*, v. I, p. 21—22, также письмо к Далласу 21 января 1808. — *Ibid.*, v. I, p. 173.